Александр ДОРОШЕНКО

ПОЭМА О ШТЕТЛЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ

"При реках Вавилона сидели мы и плакали..."

Псалом 137

"Есть ли там весы, или нет — все равно — на тех весах вздох и слезы ребенка все перевесит! Я прочнее в это верю, чем вы во что-нибудь верите."

Верю, знаю и свидетельствую миру".

Венедикт Ерофеев.
Москва-Петушки

Это было очень давно, и свидетелей не осталось.

Была на земле великая страна, Атлантида евреев.

Лежала она в сердце Европы, ограниченная по движению солнца могучими реками, от Днепра до Дуная, а с севера к югу морями, от Балтийского до Черного.

На западе высились Карпатские горы.

Эта удивительная страна располагалась между народами Запада и Востока, она была мостом между ними.

Народ, населявший ее, был древним, он вышел из вечности.

И молодым, — ему еще предстояла вечность. А Вечность измерения не имеет.

Состояла эта страна из отдельных частей, из Литвы, Польши, Украины, Белоруссии, Латвии и Молдовы. Стояли на берегах рек города, штетлы и бесчисленные маленькие местечки, штетеле, как с любовью их называли евреи. Носили они смешные и уютные имена.

Например, святая община Райгородок.

Евреи свои местечки так и называли — святой общиной.

Если местечко было большим, тогда говорили — столичный город.

Например, святой град Бердичев, и к этому добавляли — "Иерусалим Вольны".

Эти городки и штетеле привольно раскинулись среди необозримых степных просторов. Евреи здесь не были зажаты улицами и домами больших городов, районами гетто. Они жили на открытых просторах земли. Это делало взгляд внимательным и давало свежий воздух легким.

Главными в местечке были синагога и кладбище.

Потом уже рынок, рыночная площадь с каменными лабазами, заезды, шинки, всякие лавочки и мастерские.

По утрам, еще в темноте, открывались двери домов, и евреи шли по делам.

Сначала к Богу, помолиться. Потом к земному делу. Потом вновь к Богу. Еврей разрывался между землей и небом, он висел в воздухе.

Он жил на глазах у Бога. Уже не на земле, но еще не на небе.

Мальчишки бежали в хедер. Юноши степенно шли в иешиву.

У евреев много детей, их трудно пересчитать!

Стрекотали швейные машинки и слышался перестук сапожных молотков.

В домах, на узких улочках, на ярмарках и базарах весь день звучал язык, утраченный теперь, как язык древних шумеров, рядом с которыми евреи жили первоначально.

"Речь наша, многозвучная, Цветастая, беспокойная, Строем своим, складом своим Располагает к выдумке..."

Павел Коган. 1936

Она была журчащей в реке водой, смеющейся, как полевой колокольчик, быстрой — как ласка, цепкой — как дворовый пес, бес-

пощадной — как нападающая змея, едкой — как полынная водка, образной — как страница Агады, и умной — как текст Талмуда.

И была ироничной, потому что посмеяться над собой — одна чистая радость и благодарность Богу!

Если не посмеяться, — не захочется жить.

Жизнь — это падение, с небес, где мы родились, к земле, которая нас зароев, как собака зарывает обглоданную кость, и пока летишь, ты жив.

Гнали своих лошадей по дорогам этой земли балагулы и пели песни на идиш.

Земля устроена так — она круглая, — а по ее склонам лепятся еврейские домики.

Сначала круто и тяжело в гору, но потом непременно спуск. А там и родное местечко. Лошади вытянут!

Каждому местечку, как водится, придана река.

Почти тысячу лет жил среди землян народ этой страны.

И его не стало.

Остались степь, обдуваемые ветрами холмы и высокие травы забвенья.

Этих бесчисленных местечек нет.

Там катит свои воды река, шумят кронами деревья над бывшими еврейскими домиками и кладбищами, над братскими могилами, где легли последние жители местечек, качают головками на длинных тонких стеблях полевые цветы и травы.

Там пасется скот, и спящие евреи слышат его мирное дыхание.

Эти козы и коровы остались от ушедших евреев. В отличие от людей, их не убивали, и они остались жить на земле, сменив хозяев.

Они живут покорно и молча, и только горластый еврейский петух гневным криком разрывает унылую тишину этой покинутой страны.

История каждого местечка разнится временем возникновения, местными легендами о том, как строили синагогу, как переживали бедствия, анекдотами и именами праведников.

Завершается она одинаково — расстрельной ямой.

Например, у святой общины Райгородок погубило все население Бердичева, около сорока тысяч евреев.

Потому, что там ближе к Раю?!

Свидетелей не осталось по человеческому произволу.

Есть закон, по которому творение всегда противостоит Творцу. Мы, люди, — самое непокорное из Его творений.

Польша была тогда превращена в пылающую огненную печь, где сожгли миллионы евреев. Но многих убили на месте, прямо в родном местечке, на старом кладбище или в овраге, где в мирное время бегали и играли дети.

В последний раз мать сама привела к этой яме своего ребенка, чтобы заботливо уложить его спать. День кончился, наступала долгая-долгая ночь, малышу было пора в постель.

Так говорила мне в детстве мама — спи и набирайся сил.

Мы напрасно надеемся, что эта ночь кончилась, и что наступил рассвет.

Рассвета не будет. Бог не предусмотрел для нас, оставшихся неизменными, рассвета.

Оттого, что погиб один ребенок, при этих миллионах загубленных жизней ужас не становится меньшим, потому что сердце человека имеет свой сокровенный счет. Ему понятны законы больших чисел, но боль ребенка от этого не становится меньшей.

Одной слезинки ребенка достаточно, чтобы утопить в ней всю нашу несостоявшуюся историю. А на поверхности останется плавать любимая детская игрушка, зайчик с оборванным ухом.

И если подумать, это и есть все лучшее, что мы успели создать на земле, — этот зайчик, хранящий чистую радость любви.

Считать нужно только стоящее, только то, что легло основаниями нашей жизни!

Этой великой страны, Атлантиды евреев, не стало, и пути к ней утеряны.

Не стало бесчисленных местечек, нет больше кладбищ и синагог, нет магазинчиков и ремесленных мастерских. Не звучит в домах и на улицах, и на базарах еврейский язык.

Нет маленьких заплатанных домиков со ставенками на окнах и нет цветочных горшков на подоконниках. Нет синагог. Нет могильных плит на еврейских кладбищах Литвы и Польши, Украины и Белоруссии, Латвии и Молдовы. А многое оставшееся скоро исчезнет с лица земли.

Остались только холмы, библейские холмы, потому что Библия вовсе не завершена, и мы продолжаем писать на обороте ее страниц, коряво царапая вечную ткань бумаги.

Это память о стране, которой не стало.

В основе нашей истории на земле останутся библейские холмы над вавилонскими реками. А вся история людей целиком уместится записанной в печальных глазах козочки, пасущейся на заброшенном еврейском кладбище.

Пришла кошечка и съела козочку. Считать надо, пока горит свеча!

Я горожанин. Я никогда не видел этих местечек и их обитателей. Мои еврейские предки были эмансипированные евреи. Они были людьми европейской культуры, учились в европейских языках, обучались в университетах, и я думаю, эти местечковые евреи их смущали.

Как бедные родственники, с которыми всегда неудобно.

Но однажды я случайно оказался на старом еврейском кладбище Савраны.

Куда-то мы и зачем-то ехали с друзьями, и увидев могильные камни, разбросанные по зеленому полю, я попросил оставить меня на часок на этом кладбище и забрать на обратном пути.

Я тогда еще ничего не знал.

Не знал, что странные формой и видом камни называются *мацевами*, не понимал этих удивительных изображений, не мог прочесть надпись и разобрать год. Я шел по зеленому полю, осторожно переступая холмики, и рассматривал странных зверей и птиц, рычащих львов, смеющихся обезьян, спешащих куда-то волков и рыб, плывущих в небе над густыми кронами деревьев.

(Рыбы плывут там, где текут наши реки, а реки текут над миром.

Попробуй в летний полдень лечь на спину в густой траве и закрыть глаза. Так лежи, и когда ты начнешь слышать свою землю — крылышки кузнечика, полет бабочки, уютное бормотание шмеля, — открой глаза и глянь в небо — и ты впервые поймешь, как на самом деле устроен мир.)

Потом я долго стоял, разглядывая странного зверя, который пасся в высокой траве. Трава росла тут же, у подножия камня, точно такая же. Тот, кто выбил ее на камне, просто глянул вокруг себя.

Но этот зверь — отродясь я не видел такого зверя. Телом он больше всего напоминал гуся, тем

более что рядом паслись эти гуси, недовольные моим вторжением. Но он был на мощных четырех лапах, и хвост его был чисто собачий хвост, а голова от хищной птицы.

Теперь я знаю, это был самый сильный и самый добрый на земле зверь. Звали его грифон. Я смотрелся его изображений на старинных гравюрах.

Это лев, научившийся летать. Или орел, полюбивший силу и упругость земного бега.

Местный мастер своего грифона срисовал с гуся.

Я много читал с тех пор и видел десятки таких брошенных кладбищ, на Вольны и в Галиции, на Подолии и в Молдове. Но все, что я знаю об этих камнях, я узнал в тот небольшой час времени на этом разрушенном кладбище, пока друзья за мной не вернулись.

Там что-то случилось со мной, и уже никогда не оставяло в покое. Иногда уже в наступающих сумерках, думая об ином, я что-то внезапно чувствую, и подняв голову, успеваю заметить над городом, над крышами домов и скорбными ветвями деревьев, стремительный полет и мощный размах грифоновых крыльев. Летящий сфинкс, он коособразно разрезает своим полетом городское пространство, и мне становится спокойнее от его стерегущего взгляда.

Куда это он полетел?

Эти камни помогли мне понять, как жили и чем жили наши предки, и еще, это странно, они помогли мне увидеть не тени прошлого, но сегодняшних нас и все предстоящие нам беды, если мы перестанем различать основания пути, по которым шли предки.

Считать надо правильно и не ошибиться в счете!

У меня сложно с происхождением. Мои далекие предки были еврей-сефарды, и дед моего деда говорил, что в Испании, в городе Кордова, был и еще стоит наш дом. Мне это передал отец.

Глубже память не сохранилась, но первый мой дом, конечно, стоит на древней земле Иудеи.

Мои близкие предки — украинцы, и под Черниговом есть деревня, в которой все жители сплошь Дорошенки. Там тоже стоит дом, неведомый мне, но мой. Я там никогда не был, но знаю, что там течет река, и иногда вижу во сне, как сбегаю к воде, а она искрится от утреннего солнца.

Этот текст — долг одного моего народа другому моему народу, принятый мной на себя, потому что мама моя, украинка, мне в детстве сказала — долги надо платить!

Мама моя, белая королева, зеленоглазая украинка, любила моего отца, черноволосого и кареглазого еврея, — это и есть вся настоящая правда о наших народах. Я немного картавлю, потому что картавила мама.

В Библии для меня сохранилась запись — не может человек разделить, потому что тогда он похвастает свое сердце по части!

Но ты помни, — если там этого нет, нет этих местечек и их жителей, — значит, и нас, сегодняшних, тоже нет, и уже никогда не будет!

Все мне чудятся гуси, и сопровождают они меня в этих местечках постоянно. На реке под холмом, на зеленом ковре кладбища, на улице, — иду и ищу дорогу, а они переваливаются стройной колонной впереди и что-то говорят, по очереди на меня оглядываясь. И всегда выводят к кладбищу.

О чем они там судачат, что думают обо мне?

Может быть, напоминают о порученном деле — рука к перу, перо к бумаге?

Если гуси жирные, у них мягкие перья. Такие перья не брызгают чернилами и не царапают бумаги. Гусиными перьями было написано все, что сделало нас людьми. Но я знал: написать книгу об этой потерянной земле, об Атлантиде евреев, можно только перьями, выдранными из ангельских крыльев.

Наверное, у жирных ангелов тоже мягкие перья.

Вопрос не в ангельских перьях, где их достать, нужен способ написания.

Сначала я пишу быстро, не успевая писать. Что-то во мне говорит, но язык этот не имеет звучания в ряду человеческих языков.

Он, наш первоначальный материнский язык, не содержит слов.

Я косноязычен, как Моисей. Но Моисею помогал и подсказывал Бог. И был у Моисея брат Аарон, хорошо говоривший на иврите, но с трудом понимавший Бога.

Он был, как я, — попугаем.

Он озвучивал Моисея.

Исходная мелодия едина, мы различаем способностью слышать.

Вначале приходит чувство, оно звучит мелодией, утраченной и позабытой, это музыка, из которой на заре времен под творческой рукой Бога возник каждый из нас.

Мое тело, как морская раковина, вынута из воды и позабывшая о своем первородстве. Раковина слышит шум Океана, но уже не помнит, что это было такое.

Когда я перевожу это внутри себя, внутри своего звучащего тела, на слова родной речи, а потом шлепаю пальцами по клавишам машинки, я утрачиваю смысл услышанного.

Я возвращаюсь, вслушиваюсь, пытаюсь понять вновь.

Потому что мысль — это ошибка. Она слабая и боязливая тень первоначального чувства. Мы учились говорить, подражая людям. Не догадываясь, что их определения ложны. Потому что определять — значит не доверять.

Звучащее в тебе трудно перевести в мысль, выразить мысль словами еще труднее. Остается всего ничего!

Так формируется исходный текст.

Ударение в слове и центр тяжести фразы определяют ее смысл, напряжением и жизнью. Иногда неожиданность удара восстанавливает смысл и жизнь слова.

Правило построения фразы рождено ее внутренней жизнью.

"Я не знаю, Земля кружится или нет, / Это зависит, уложится ли в строчку слово".

Это сказал гений, Велимир Хлебников.

Потом я читаю и перечитываю легшие на бумагу сочетания слов и ставлю слова на правильные места. Такие правила нигде не записаны. Но я ими руководствуюсь, и на самом деле это несложно — надо править текст, пока каждое слово не станет на свое место в ряду других слов.

Пока известные нам слова с утраченным и стертым от ошибочного употребления смыслом вновь не найдут друг друга, а фраза, корявая и выгибающаяся под рукой, как раздраженная чем-то кошка, не успокоится и не станет ровной.

Тогда можно услышать, как облегченно вздохнут слова, наконец-то нашедшие друг дружку. Как распрямится фраза. И по ней волной пройдет мелодия.

В правильной расстановке слов, как и в кошачьей походке, слышен голос Бога!

Эта работа идет многократно, пока слова, лежащие на поверхности листа, не окрасятся кровью. Не в смысле цвета, — пока кровь не начнет пульсировать в теле этого текста.

Тогда он зазвучит и станет плотью.

Это просто, иного способа познать самого себя нет, а познать самого себя — это познать Бога.

Познать Бога, — не обязательно с ним согласиться!